

УДК 327

ПОЛИТИКА КНР ПО ИНТЕГРАЦИИ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА: 1949–2018 ГОДЫ

В.А. Эпштейн¹, Д.А. Бочков²

*¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, 119571, Россия*

*²Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, г. Москва, 119454, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается вопрос региональной специфики Синьцзян-Уйгурского автономного района и анализируются основные этапы интеграции СУАР в состав КНР. Интерес к региону со стороны Пекина особенно возрос в результате заявленной Председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. программы «Экономический пояс Шелкового пути», так как через Синьцзян должны пройти основные сухопутные маршруты китайского транспортного проекта. Одновременно с этим руководство КНР сформулировало новую стратегию для разрешения накопившихся проблем СУАР, основным приоритетом властей должны стать обеспечение социальной стабильности, экономическое процветание региона и повышение уровня жизни местного населения. Пекин полагает, что все это минимизирует стремления уйгуров и других коренных жителей к политической автономии. В связи с этим возрастает необходимость в обеспечении безопасности региона и ускоренного проведения комплекса культурно-экономических и военно-полицейских мероприятий для снижения уровня террористических угроз и открытого проявления недовольства со стороны коренных жителей СУАР.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Синьцзян-Уйгурский автономный район, «Экономический пояс Шелкового пути», этапы интеграции, ханьцы, уйгуры, транспортный коридор, терроризм, сепаратизм

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) – самая большая по площади территориально-административная единица КНР, составляющая 1/6 (1 664 897 км²) часть страны, с населением около 1.5% (более 22.6 млн человек) от общей численности населения Китая [1]. В регионе проживают 47 национальностей, при этом коренной народ – уйгуры составляют 45% от всего населения, около 40% – ханьцы, переехавшие из других провинций Китая. Среди оставшихся 15% преобладают тюркоязычные этносы, как и уйгуры, исповедующие ислам: казахи, киргизы и др. [2, с. 34].

Расселение этносов по региону неравномерное: ханьцы преимущественно проживают в городах, больше всего их в политической столице Синьцзяна – Урумчи, где из 1 643 760 жителей они составляют 73% (1 199 783 человек), в то

время как уйгуры – 12.8% (210 400 человек). В районе Кашгара наоборот: при населении в 3 365 560 человек, ханьцев всего 8.75% (294 503 человек), а уйгур – 87.7% (3 019 187 человек) [3, р. 23–32].

СУАР относится к числу ресурсобеспеченных территорий: по данным на 2016 г., объемы запасов нефти в регионе оценивались в 21.5% (23.4 млрд т), а природного газа в 23.3% (13 трлн м³) от всех запасов на территории Китая [4]. 60 разведанных угольных месторождений региона суммарно составляют 38% запасов каменного угля КНР, один лишь угольный бассейн Турфан-Хами в восточной части СУАР по объемам залежей составляет 12.8% (более 500 млрд т) от общих запасов [4; 5]. По предварительным прогнозам, в 2020 г. на СУАР будет приходиться свыше 20% добычи угля в Китае [5]. Помимо энергоресурсов в регионе находятся месторождения редкоземельных металлов, золота, никеля, железной руды и др. На сегодняшний день специфика региона заключается в том, что нефтяной и нефтехимический сектор формируют 60% экономики Синьцзяна, однако около 70% населения проживает в сельской местности [6]. В 2016 г. ВВП СУАР составил всего 964.97 млрд юаней, то есть 1.3% от ВВП Китая [6]. В 2017 г. ВВП региона увеличился на 7.6% и достиг отметки в 1.09 трлн юаней [7].

Кроме того, на территории региона расположены важнейшие атомные объекты: именно там находится единственный ядерный полигон КНР Лобнор, на котором с 1964 по 1996 гг. было проведено 45 ядерных испытаний [8].

Отличительной чертой СУАР является то, что район имеет общую границу с восемью государствами: Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Индией, а также оспариваемыми Пакистаном северными территориями индийского штата Джамму и Кашмир.

Таким образом, рассматриваемый автономный район имеет важное стратегическое и экономико-политическое значение для Китая, неуклонно усиливающееся с конца XX в., что связано с комплексом политических и экономических причин.

Политические причины:

1. В 1991 г. в результате распада СССР перед Китаем возникла необходимость заключить пакет пограничных договоров с новыми государствами – участниками СНГ. Впервые за долгие годы КНР смогла навязать новообразованным государствам Центральной Азии свой взгляд на пограничные проблемы и добилась пересмотра существовавших прежде территориальных границ, тем самым увеличив площадь СУАР.

Совместная китайско-казахстанская пограничная комиссия определила китайско-казахстанскую границу двусторонним договором, подписанным в 1994 г.¹

Чтобы точнее очертить некоторые небольшие участки границы, были подписаны дополнительные соглашения 24 сентября 1997 г.² и 4 июля 1998 г.³

¹ Соглашение от 26.04.1994 г. «Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе». URL: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemi/dok_pernsi.htm/.

² О ратификации Дополнительного Соглашения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе. URL: https://tengrinews.kz/zakon/parlament_respubliki_kazahstan/mejdunapodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-Z990000352_/#z2/.

³ О ратификации Дополнительного Соглашения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе. URL: https://tengrinews.kz/zakon/parlament_respubliki_kazahstan/mejdunapodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-Z990000351_/#z0

В 1999 г. Китай и Казахстан подписали совместную декларацию, разрешившую существовавшие пограничные противоречия, в результате чего часть территории у реки Теректы, текущей из китайского уезда Юйминь в сторону казахского озера Жаланашколь, была передана Китаю⁴.

В течение следующих нескольких лет граница была определена на местах совместными комиссиями, работа которых была задокументирована совместными протоколами, завершёнными Протоколом, подписанным в Пекине 10 мая 2002 г.⁵

В Кыргызстане процесс урегулирования пограничных вопросов с Китаем оказал огромное влияние на политическую жизнь страны, вызвав открытые проявления народного недовольства. Первое пограничное соглашение, уступившее Китаю около 30 000 га территории в Южном Тянь-Шане, было подписано в Бишкеке президентом Кыргызстана А. Акаевым и председателем КНР Цзян Цземинем в 1996 г. и ратифицировано парламентом в 1998 г.⁶ Во втором соглашении, подписанном в 1999 г. в Бишкеке, более 90 000 га Узенгу-Куушского района были переданы Китаю, что также спровоцировало недовольство населения.

Таджикско-китайская совместная декларация об основных принципах взаимоотношений между двумя странами была подписана в марте 1993 г.⁷ Обе стороны подтвердили, что «будут развивать свои отношения в духе добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества на основе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования...; каждая из сторон взяла на себя твердое обязательство воздержаться от участия в каких-либо враждебных действиях, направленных против одной из них, а также не допускать, чтобы территория одной стороны была использована в целях ущемления национального суверенитета и интересов безопасности другой стороны»⁸.

Спорными территориями являлись район Большого Памира, площадь которого составляла около 28 000 км², а также река Маркансу и перевал Карзак, общей площадью около 400 км².

Часть территориальных проблем была урегулирована 13 августа 1999 г. в Даляне в результате подписания Э. Рахмоном и Цзян Цземинем таджикско-китайского пограничного соглашения⁹. Согласно подписанному документу река Маркансу была разделена между Таджикистаном (32%) и Китаем (68%), последний, в свою очередь, отказался от претензий на перевал Карзак [9, с. 35]. Согласно взаимной договоренности, суверенитет над склонами Сарыкольского хребта, площадь которых составляет 1158 км², был передан под юрисдикцию Китая, то есть Пекин получил около 4.1% от изначально заявленных претензий

⁴ Алимжанов С.Д. Некоторые аспекты установления Республикой Казахстан государственной границы с Китайской Народной Республикой // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2009. – № 4. – С. 64.

⁵ О ратификации Протокола между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о демаркации линии казахстанско-китайской государственной границы. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000469_/.

⁶ Современные кыргызско-китайские отношения. URL: <http://uchebnik-online.com/131/1898.html/>.

⁷ Таджикско-китайские отношения. URL: <http://tajikembassychina.org/istoriya-i-perspektivy/>.

⁸ Алимов Р. У истоков добрососедства. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8143863.html>

⁹ Russia-China Boundary Agreement: Relevance for India. URL: <https://www.idsa-india.org/an-jan-4-01.html.html/>.

на 28 000 км². Необходимо отметить, что парламент Таджикистана окончательно ратифицировал акт передачи части земель Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области Китаю лишь в январе 2011 г.

2. В 2011 г. в связи с началом «арабской весны», крахом казавшихся незыблемыми политических режимов ряда государств Ближнего Востока, активизацией террористической деятельности в Афганистане и на территории других сопредельных государств, возникновением «Исламского государства» и началом гражданских войн в Сирии и Ираке Китай оказался перед вызовом дестабилизации в СУАР. Немаловажным фактором явилось участие уйгурских боевиков, выходцев из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, в антиправительственных исламистских группировках, действующих в Сирии, а также тиражируемые ими через электронные СМИ угрозы в адрес Пекина в скором времени вернуться домой и развернуть войну за независимость СУАР.

Экономические причины: в 2013 г. была озвучена инициатива КНР «Один пояс – один путь» с целью усиления экономической интеграции Китая в мировой рынок. Проект предполагал выстраивание двух транспортных потоков: «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века». В свою очередь, ЭПШП реализуется в виде трех транспортных коридоров: северный – через Казахстан и РФ к Балтийскому морю и далее в страны Европы; центральный, который должен соединить порты восточного Китая со странами Центральной Азии (Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном), Ираном и Турцией; южный – через Бангладеш, Индию и Пакистан [10]. Чрезвычайно выгодное транспортно-географическое положение СУАР, через который проходят все три коридора, определяет его ключевую роль в реализации китайского проекта [11]. Это вызывает повышенный интерес к рассматриваемому региону со стороны официального Пекина, вынуждает проводить ускоренную интеграцию и активизировать политику умиротворения местного населения.

К настоящему времени можно говорить о нескольких этапах процесса политической и экономической интеграции СУАР.

Период военного и политического подчинения (1760–1949 гг.). Территория, ныне входящая в СУАР, исторически известна как Восточный Туркестан. В 1760 г. регион был насильственно присоединен к китайской империи Цин под названием Синьцзян (Новые рубежи). С тех пор уйгуры неустанно боролись за свою независимость. В результате общая экономическая отсталость региона, а также расходы на содержание армии делали Синьцзян убыточным для Китая. Для поддержания стабильности требовались постоянные денежные вливания из центра, в связи с чем на протяжении всей эпохи династии Цин шли дебаты о целесообразности обладания этим регионом. Неоднократно китайские чиновники предлагали оставить Синьцзян, уделив больше внимания прибрежным районам. Причины отсталости виделись в недостаточной китаизации населения и плохом управлении местной администрации [12, с. 68].

Период ассимиляции и насильственной интеграции (1949–60-е годы). К 30–40-м годам уйгуры преуспели в восстаниях против центральной власти и дважды провозглашали Восточно-Туркестанскую Республику (ВТР). К середине 1949 г. стало очевидно, что в гражданской войне, идущей на территории континентального Китая, победа достается коммунистам во главе с Мао Цзэдуном. Для

переговоров с китайским партийным руководством 27 августа 1949 г. в Пекин из г. Кульджи через Алма-Ату, Красноярск и Читу вылетела представительная делегация ВТР. В районе Иркутска самолет ИЛ-12 потерпел катастрофу, практически все политическое руководство республики погибло.

Осенью 1949 г. новое прокитайское правительство ВТР, во главе с Сайфудином Азизи, впустило на территорию Синьцзяна части Народно-освободительной армии Китая (НОАК), Восточно-Туркестанская Республика была ликвидирована. Пекин начал политику переселения ханьцев, и в 1955 г. в составе КНР был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Уже при Мао Цзэдуне регион приобрел важное стратегическое значение на фоне политического противостояния с СССР. В 1954 г. был создан Синьцзянский производственно-строительный корпус (СПСК), имевший целью хозяйственное освоение региона, пограничную оборону и контроль над обстановкой в СУАР. Неслучайно первые 170 тыс. участников корпуса были бывшими солдатами и офицерами НОАК и войск Гоминьдан. Также участниками корпуса становились бывшие заключенные, бродяги и беженцы, прибывавшие со всего Китая и являвшиеся в основном представителями этноса хань [13]¹⁰.

Период консервативного развития и подготовки к боевым действиям (с 60-х годов по 1991 г.). С конца 60-х по 80-е годы политика центральной власти по отношению к СУАР строилась исходя из предполагаемого открытого военно-политического противостояния с Советским Союзом. Любая связь с центральноазиатскими республиками СССР контролировалась и пресекалась, внешние границы региона были закрыты и само развитие СУАР приостановлено из-за угрозы возможного советского вторжения. Ситуация обострилась в 1979 г. в связи с вводом советских войск в Афганистан, так как китайские власти опасались, что следующей целью Советской армии станет именно Синьцзян [14].

Через Пакистан и непосредственно через Ваханский коридор, высокогорное плато на территории Афганистана, граничащее с Таджикистаном, Китаем и Пакистаном, КНР поставляла афганским боевикам копии советского стрелкового вооружения, а позже финансовую помощь вкупе с поставками безоткатных орудий и зенитных установок.

К концу 70-х годов СУАР стал осознаваться неотъемлемой частью единого Китая, однако интеграция во многом продолжала носить искусственный характер. В 1974 г. количество членов СПСК возросло до 2 млн человек, что в определенной степени позволяло контролировать регион. И хотя в годы Культурной революции Строительный корпус был распущен, в 1981 г. его структура была восстановлена.

Демографическая политика «Одна семья – один ребенок», введенная в КНР в 1979 г. и ограничивающая деторождение, касалась в том числе и населения

¹⁰ Так, в статье «Синьцзянский производственно-строительный корпус» на сайте китайской онлайн энциклопедии «Байду байкэ» говорится: «В октябре 1954 г. центральное правительство распорядилось о том, чтобы Народно-освободительная армия КНР, дислоцированная в Синьцзяне, сформировала Синьцзянский производственно-строительный корпус и приняла двойное руководство военным округом Синьцзян и отделением ЦК КПК в Синьцзяне. Основной миссией СПСК было объединить управление трудовыми и военными вопросами, поднимать целину и охранять границу. В этой связи Корпус приступил к созданию государственных сельскохозяйственных и животноводческих совхозов. Совершался переход от первоначального производства, направленного на обеспечение нужд армии, к выпуску промышленному и формальному закреплению государственного плана. В то время общая численность населения корпуса составляла 175 500 человек» (перевод наш. – В.Э., Д.Б.).

Синьцзяна. Национальным меньшинствам разрешалось иметь до трех детей, но в условиях традиционно многодетных мусульманских семей даже это послабление рассматривалось в качестве дискриминирующего фактора. Таким образом, демографическая политика центральных властей стала одной из причин усиления сепаратизма в регионе [15, р. 2].

Период новой экономико-политической и культурной интеграции региона (1991 г. – настоящее время). С 90-х годов правительство Китая с позиции своих внешнеэкономических амбиций стало осознавать важность экономических перспектив Синьцзяна. В связи с этим в 1999–2000 гг. началась реализация «Программы масштабного освоения Запада», рассчитанной до 2050 г.¹¹ и посвященной, как следует из названия, развитию западных территорий страны, в том числе и Синьцзяна.

Всё это привело к увеличению численности этнических ханьцев, проживающих в СУАР с 4% в 1949 г. до 40% к концу XX в. [16], что вызывало неприятие со стороны местных жителей, так как разрушало устоявшиеся традиции и религиозные устои. Запрет со стороны официальных властей женщинам-мусульманкам носить головные платки вкупе с волнениями в Тибете подтолкнули уйгур к открытым выступлениям, которые продолжались на территории СУАР в 2008 и 2009 гг., а в 2013 и 2014 гг. акты насилия выплеснулись за территорию рассматриваемого региона (октябрь 2013 г. – теракт в районе площади Тяньаньмэнь в Пекине; март 2014 г. – нападение террористов на пассажиров и прохожих на площади у вокзала в г. Куньмин, провинция Юньнань, и т. д.).

В 2009 г. центральное правительство выделило на развитие региона финансовые ресурсы в размере 7.4 млрд долл. Однако попытки профинансировать строительство инфраструктурных объектов на территории Синьцзяна зачастую приводили лишь к усилению недовольства местного населения. Так, например, в 2008 г. при реализации проекта стоимостью 25 млн долл. по строительству нового терминала аэропорта в городском округе Кашгар потребовалось переселение местного населения, снос жилых домов и хозяйственных построек. Это вызвало массовые протесты со стороны уйгурского населения. Невзирая на недовольство коренных жителей более 1000 домов на территории старого города подверглись сносу, а компенсационные издержки по строительству новых жилых кварталов для вынужденных переселенцев составили 448 млн долл.

Центральное правительство КНР, стремясь заинтересовать уйгуров в развитии региона, выступило с инициативой выравнивания региональных различий, в рамках которой предполагается перечисление финансовых средств из более обеспеченных районов в пользу дотационных. Так, например, от правительства провинции Гуаньдун потребовали перечислить 1.4 млрд долл. в округ Кашгар в течение пяти лет. Помимо активного использования административного ресурса центральные власти Китая стремятся сделать территорию СУАР привлекательной для частных инвесторов, с этой целью в мае 2010 г. в Кашгаре была открыта свободная экономическая зона [17].

¹¹ «Программа масштабного освоения Запада» была официально провозглашена 22 сентября 1999 г. на 4-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва.

Благодаря подобным административным и коммерческим инициативам отношения Синьцзяна со странами Центральной Азии выходят на новый экономический уровень и стимулируют развитие приграничных с Китаем территорий. Одним из примеров подобного развития является старый сухой порт Хоргос, расположенный в Алматинской области Казахстана на границе с Китаем [18]. По прогнозам американских экономистов, в первой половине XXI в. СУАР станет одним из самых притягательных регионов Азии для мировых транснациональных компаний [14].

Не стоит забывать и о роли Синьцзянского производственно-строительного корпуса, который продолжает выступать в качестве важного фактора развития региона. В настоящее время СПСК превратился в полувоенизированное формирование с элементами бизнес-конгломерата. На данный момент эта социально-экономическая корпорация контролирует отдельные города, сельские районы, множество промышленных производств и два собственных университета. В 2017 г. СПСК насчитывал 2,6 млн человек (при населении Синьцзяна в 22,6 млн человек), являлся владельцем 1/3 земель региона и производил 25% от общего объема выпуска продукции автономного района [19]. При этом раскинувшийся по всему СУАР корпус остается практически полностью китайским – среди его военнослужащих свыше 88% составляют ханьцы и менее 7% уйгуры, остальная часть представлена хуэйцами, казахами и монголами [14].

Инициированный в 2013 г. проект ЭПШП, основная часть транспортных коридоров которого проходит через СУАР, стимулировал активное развитие инфраструктурных объектов в рассматриваемом регионе. Китай приступил к формированию альтернативных железнодорожных и автомобильных маршрутов Азия – Европа для укрепления евразийской экономической интеграции. Транспортные коридоры не только упрочили экономические позиции центральных властей в регионе, но также облегчили процессы дальнейшего переселения населения и, в определенном смысле, ускорили процессы ассимиляции местных жителей, усилив роль и значение китайского языка и государственного (светского) образования при приеме на высокооплачиваемую и перспективную работу. Развитие коммуникаций облегчило в случае необходимости переброску полицейских и военных подразделений для подавления любых возможных нарождающихся беспорядков, а также стимулировало проведение регулярных контртеррористических и военных учений.

На официальном уровне власти КНР отмечают улучшение ситуации по вопросам безопасности в СУАР. Так, по сообщениям онлайн-версии китайской государственной газеты «Жэньминьжибао», министр общественной безопасности КНР Чжао Кэчжи в ходе своего визита в Синьцзян в июне 2018 г. отметил, что «руководствуясь стратегией управления СУАР, выдвинутой Си Цзиньпином для ЦК КПК, контртеррористическая деятельность по поддержанию стабильности в автономном районе продемонстрировала значительные промежуточные достижения, а также внесла существенный вклад в борьбу с терроризмом и обеспечение общественной стабильности по всей стране»¹² [20].

¹² Здесь и далее перевод наш. – В. Э., Д. Б.

В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин сформулировал новую стратегию для разрешения проблем СУАР, основным приоритетом реализации которой стало фокусирование работы властей на обеспечении социальной стабильности, экономического процветания региона и повышения уровня жизни местного населения. Пекин полагает, что экономическое развитие и модернизация смогут победить стремление уйгуров к политической автономии [21]. Для этого в первую очередь необходимо реформировать социальную сферу Синьцзяна: образование, здравоохранение, социальное страхование – и ликвидировать бедность, что крайне важно для достижения долгосрочного мирного развития региона. Таким образом, новая политика стала своего рода амальгамой элементов мягкой и жесткой силы, с более значительным смещением акцента на первый аспект [22].

В 2016–2017 гг. было зафиксировано улучшение показателей инвестиционной активности региона. В 2017 г. инвестиции в СУАР составили более 538 млрд юаней, что на 19.6% выше, чем годом ранее [23]. Инвестиции в инфраструктурное развитие автономного района составили 450 млрд юаней, что на 50% больше, чем в 2016 г. В планах на 2018 г. планировалось вложить такой же объем финансовых средств в поддержание положительной динамики улучшения качества инфраструктуры СУАР [24].

Некоторые китайские СМИ сообщают, что в последние годы наблюдается значительный прогресс в борьбе с бедностью региона (только в 2017 г. было запущено 545 проектов по преодолению означенной проблемы), в частности правительством создаются новые рабочие места, особую поддержку получают такие отрасли экономики, как текстильная промышленность и туризм [25].

С 2016 по 2017 г. более 50 000 компаний открыли свои представительства и филиалы в СУАР [26]. В 2017 г. в автономном районе был зафиксирован рекордный показатель роста ВВП, который составил 7.6%, что превысило средний показатель по стране, составляющий 6.9% [26]. Инвестиции в долгосрочные активы региона за этот же период увеличились на 27.8%, что также стало самым высоким показателем по стране [26].

Тем не менее экономические проблемы остаются и ключевой является проблема пресной воды для нужд сельского хозяйства. Быстро растущее население региона требует расширения площади орошаемых земель. «В Синьцзяне около 96% воды используется для нужд сельского хозяйства, то есть больше, чем где-либо в мире. Вследствие чрезмерного потребления водных ресурсов пресноводная экосистема этого района начала разрушаться. В низовьях некоторых рек больше нет воды. Состояние целого ряда водно-болотных угодий и озер ухудшилось. В прошлом году [2008], власти и фермеры жаловались на сильнейшую за последние 50 лет засуху и призывали увеличить количество воды, поступающей в Синьцзян из соседнего Казахстана» [27].

Синьцзян-Уйгурскому автономному району в будущем потребуется все больше пресной воды, в связи с этим проекты по интенсификации экономического развития региона включают строительство каналов, водохранилищ, плотин, гидроэлектростанций и других гидротехнических сооружений. Несомненно, что реализация этих проектов приведет к экологической катастрофе в Восточном и Центральном Казахстане, так как на территории Китая берут свое начало более 20 рек Казахстана, крупнейшими из которых являются Иртыш, Или, Талас,

Хоргос. И именно из этих рек Китай будет выводить воду для разработки перспективных промышленных зон в Синьцзяне и расширения полива новых сельскохозяйственных угодий. Всё это, несомненно, в недалеком будущем существенно осложнит отношения КНР с соседним государством.

Таким образом, масштабные инициативы официального Пекина по отношению к региону связаны, с одной стороны, с политической активностью ислама («арабская весна») и страхом утратить контроль над местным мусульманским населением, с другой – со стремлением КНР реализовать проект ЭПШП, сухопутная ветка которого неизбежно проходит через СУАР. Все это требует скорейшей реализации программы «замирения» региона, которая осуществляется при помощи целого корпуса политико-экономических и социально-демографических мер, носящих как запретительно-ограничительный, так и стимулирующий характер.

Литература

1. Total population of China from 2001 to 2023 (in millions) // Statista. – URL: <https://www.statista.com/statistics/263765/total-population-of-china/>, свободный.
2. *Бондаренко А.В.* Проблемы и перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в начале XXI в.: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 198 с.
3. *Dillon M.* Xinjiang: China's Muslim Far Northwest. – London; N. Y.: RoutledgeCurzon, 2004. – 201 p.
4. *Duan J., Wei Sh., Zeng M., Ju Y.* The energy industry in Xinjiang, China: Potential, problems, and solutions // *Power*. – 2016. – V. 160, No 1. – P. 52–53.
5. Разведанные в этом году запасы угля в районах Хами и Турфан в Синьцзяне составляют несколько десятков млрд т // *Russian.people.cn*. – 2009. – 3 июня. – URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6670286.html>, свободный.
6. Gross domestic product (GDP) of China in 2016, by region (in billion yuan) // Statista. – URL: <https://www.statista.com/statistics/278557/gdp-of-china-by-region/>, свободный.
7. Xinjiang's economy expands 7.6 pct in 2017 // *Xinhua*. – 2018. – Jan 25. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/25/c_136924235.htm, свободный.
8. Lop Nor Nuclear Weapons Test Base // *NTI Building a Safer World*. – URL: <http://www.nti.org/learn/facilities/710/>, свободный.
9. *Курбонова З.М.* Политические аспекты процесса урегулирования государственной границы между Таджикистаном и Китаем: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2009. – 143 с.
10. Проект «Один пояс, один путь». Досье // *ТАСС*. – 2017. – 3 июля. – URL: <http://tass.ru/info/4383152>, свободный.
11. *Vickery R.* The United States and India need a maritime initiative // *Asia Maritime Transparency Initiative, Centre for Strategic and International Studies (AMTI CSIS)*. – 2018. – May 16. – URL: <https://amti.csis.org/u-s-india-need-maritime-initiative/>, свободный.
12. *Миллуорд Дж.А.* Современный Синьцзян в исторической перспективе // *Вестн. Евразии*. – 2001. – № 4. – С. 63–82.
13. 新疆生产建设兵团 // *百度百科*. = Синьцзянский производственно-строительный корпус // Байду байкэ. – URL: https://wapbaike.baidu.com/item/新疆生产建设兵团/710933?fr=kg_general&ms=1&rid=9735049768051182296, свободный.

14. *Волынец А.* Мусульмане-уйгуры против Красного Китая // *Uyghur Today*. – 2016. – 29 янв. – URL: <http://uyghurtoday.com/2016/01/29/%d0%bc%d1%83%d1%81%d1%83%d0%bb%d1%8c%d0%bc%d0%b0%d0%bd%d0%b5-%d1%83%d0%b9%d0%b3%d1%83%d1%80%d1%8b-%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%82%d0%b8%d0%b2-%d0%ba%d1%80%d0%b0%d1%81%d0%bd%d0%be%d0%b3%d0%be-%d0%ba%d0%b8/>, свободный.
15. *Buyarov D.V., Kireev A.A., Druzyaka A.V.* Demographic situation in Xinjiang-Uigur autonomous area in the last quarter of the twentieth century. *Global Media J.* – 2016. – No S3. – P. 1–6. – URL: <http://www.globalmediajournal.com/open-access/demographic-situation-in-xinjianguigur-autonomous-area-in-the-last-quarter-of-the-twentieth-century.pdf>, свободный.
16. *Torrey Z.* The human costs of controlling Xinjiang // *The Diplomat*. 2017 – Oct. 10. – URL: <https://thediplomat.com/2017/10/the-human-costs-of-controlling-xinjiang/>, свободный.
17. *Fish I.S.* China's hottest cities and Kashgar // *Newsweek*. – 2010. – Sept. 25. – URL: <https://www.newsweek.com/chinas-hottest-cities-and-kashgar-72333>, свободный.
18. Экономика Синьцзяна на пути быстрого развития // *CRI online*. – 2017. – 13 июля. – URL: <http://russian.cri.cn/3069/2017/07/13/1s609960.htm>, свободный.
19. *Morin A.* Is China's counterterrorism policy in Xinjiang working? // *The Diplomat*. – 2017. – Feb. 23. – URL: <https://thediplomat.com/2017/02/is-chinas-counterterrorism-policy-in-xinjiang-working/>, свободный.
20. 赵克志：深入贯彻落实党中央治疆方略 坚定不移推进新疆社会稳定和长治久安 // *人民网*. = *Чжао К.* Глубокое и последовательное осуществление стратегии ЦК КПК по управлению Синьцзяном и неуклонное продвижение общественной стабильности и долговременного порядка // *Жэньминьван*. – 2018. – 16 июня. – URL: <http://legal.people.com.cn/n1/2018/0616/c42510-30062811.html>, свободный.
21. *Clarke M.* China's Self-Defeating Counter-Terrorism Strategy in Xinjiang // *Asia Dialogue*. – 2017. – 16 Feb. – URL: <http://theasiadialogue.com/2017/02/16/chinas-self-defeating-counter-terrorism-strategy-in-xinjiang/>, свободный.
22. *Bo Z.* Xi Jinping's new strategy toward Xinjiang // *EAI Background Brief*. – 2014. – No 897. – URL: <http://www.eai.nus.edu.sg/publications/files/BB897.pdf>, свободный.
23. Investment in Xinjiang up 19.6% in 2017 // *China Daily*. – 2018. – Jan. 29. – URL: <http://usa.chinadaily.com.cn/a/201801/29/WS5a6ee631a3106e7dcc1376cc.html>, свободный.
24. Xinjiang to invest 70 billion USD in infrastructure in 2018 // *Xinhua*. – 2018. – May 1. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/05/c_136874801.htm, свободный.
25. Industry plays big role in poverty alleviation in Xinjiang // *China Daily*. – 2018. – July 4. – URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201807/04/WS5b3c8f52a3103349141e0b2a.html>, свободный.
26. *Lei Z.* Xinjiang's GDP growth beats the national average // *China Daily*. – 2017. – Oct. 20. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/newsrepublic/2017-10/20/content_33509861.htm, свободный.
27. *Watts J.* Pay farmers to halt irrigation to ease water crisis, Chinese adviser urges. // *The Guardian*. – 2009. – May 18. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2009/may/18/water-china-farmers>, свободный.

Поступила в редакцию
16.04.18

Эпштейн Виталий Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, 119571, Россия

E-mail: epshteinv@gmail.com

Бочков Данил Андреевич, магистрант факультета международных экономических отношений

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, 119454, Россия

E-mail: danilbochkov.a@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 6, pp. 1442–1454

**The Policy of the People's Republic of China
on Integration of the Xinjiang Uygur Autonomous Region: 1949–2018**

V.A. Epstein^{a}, D.A. Bochkov^{b**}*

^a*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, 119571 Russia*

^b*Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, 119454 Russia*

E-mail: ^{*}epshteinv@gmail.com, ^{**}danilbochkov.a@gmail.com

Received April 16, 2018

Abstract

The paper examines the issue of regional specificity of the Xinjiang Uygur Autonomous Region and analyzes the main stages of its integration into the People's Republic of China. The Chinese government has become aware of the importance of economic prospects of Xinjiang in terms of its foreign economic ambitions since the 1990s. In this regard, China initiated the program “the Great Development of the West” in 1999–2000. The program was adopted during the 4th Plenum of the 15th Central Committee of the Communist Party of China. It is planned until 2050 and devoted to the development of the country's western territories, including Xinjiang.

However, the implementation of the program encounters the rejection of many of its provisions by the local traditional population, since major infrastructure projects are changing the cultural, economic, and socio-demographic landscape of the region.

Beijing has intensified its interest in the region as a result of the launch of “One Belt One Road” initiative which was announced by China's President Xi Jinping in September 2013. The explanation to this rests within the fact that nearly all main land routes of the Chinese transport project are planned to transcend the region. Beijing believes that economic development and modernization will lead to curbing of the Uigurs' and other indigenous people's aspirations towards political autonomy.

In this respect, there is an increasing need for ensuring the region security and accelerating implementation of a complex of cultural, economic, and military-police activities to minimize terrorist threats and open display of discontent among Muslim ethnic groups of the region.

Keywords: People's Republic of China, Xinjiang Uygur Autonomous Region, Silk Road Economic Belt, integration stages, Uygurs, Han Chinese people, terrorism, separatism, transport corridor

References

1. Total population of China from 2001 to 2023 (in millions). *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/263765/total-population-of-china/>.
2. Bondarnko A.V. Problems and prospects of development of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China in the early 21st century. *Cand. Polit. Sci. Diss.* Moscow, 2007. 198 p. (In Russian)
3. Dillon M. *Xinjiang: China's Muslim Far Northwest*. London, New York, RoutledgeCurzon, 2004. 201 p.
4. Duan J., Wei Sh., Zeng M., Ju Y. The energy industry in Xinjiang, China: Potential, problems, and solutions. *Power*, 2016, vol. 160, no. 1, pp. 52–53.
5. The coal reserves explored this year in the regions of Hami and Turpan in Xinjiang amount to several tens of billion tons. *russian.people.cn*, 2009, June 3. Available at: <http://russian.people.com.cn/31518/6670286.html>. (In Russian)
6. Gross domestic product (GDP) of China in 2016, by region (in billion yuan). *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/278557/gdp-of-china-by-region/>.
7. Xinjiang's economy expands 7.6 pct in 2017. *Xinhua*, 2018, Jan. 25. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/25/c_136924235.htm.
8. Lop Nor Nuclear Weapons Test Base. *NTI Building a Safer World*. Available at: <http://www.nti.org/learn/facilities/710/>.
9. Kurbonova Z.M. Political aspects of establishing the state border between Tajikistan and China. *Cand. Polit. Sci. Diss.* Moscow, 2009. 143 p. (In Russian)
10. The project "One Belt One Road". A Dossier. *TASS*, 2017, July 3. Available at: <http://tass.ru/info/4383152>. (In Russian)
11. Vickery R. The United States and India need a maritime initiative. *Asia Maritime Transparency Initiative, Centre for Strategic and International Studies (AMTI CSIS)*, 2018, May 16. Available at: <https://amti.csis.org/u-s-india-need-maritime-initiative/>.
12. Millward J.A. Historical perspectives on contemporary Xinjiang. *Vestnik Evrazii*, 2001, no. 4, pp. 63–82. (In Russian)
13. Xinjiang industrial building. *Baidu Baike*. Available at: https://wapbaike.baidu.com/item/新疆生产建设兵团/710933?fr=kg_general&ms=1&rid=9735049768051182296. (In Chinese)
14. Volynets A. Muslim Uyghurs against Red China. *Uyghur Today*, 2016, Jan. 29. Available at: <http://uyghurtoday.com/2016/01/29/%d0%bc%d1%83%d1%81%d1%83%d0%bb%d1%8c%d0%bc%d0%b0%d0%bd%d0%b5-%d1%83%d0%b9%d0%b3%d1%83%d1%80%d1%8b-%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%82%d0%b8%d0%b2-%d0%ba%d1%80%d0%b0%d1%81%d0%bd%d0%be%d0%b3%d0%be-%d0%ba%d0%b8/>.
15. Buyarov D.V., Kireev A.A., Druzyaka A.V. Demographic situation in Xinjiang-Uigur autonomous area in the last quarter of the twentieth century. *Global Media Journal*, 2016, no S3, pp. 1–6. Available at: <http://www.globalmediajournal.com/open-access/demographic-situation-in-xinjianguigur-autonomous-area-in-the-last-quarter-of-the-twentieth-century.pdf>.
16. Torrey Z. The human costs of controlling Xinjiang. *The Diplomat*, 2017, Oct. 10. Available at: <https://thediplomat.com/2017/10/the-human-costs-of-controlling-xinjiang/>.
17. Fish I.S. China's hottest cities and Kashgar. *Newsweek*, 2010, Sept. 25. Available at: <https://www.newsweek.com/chinas-hottest-cities-and-kashgar-72333>.
18. Xinjiang's economy on the road to rapid development. *CRI online*, 2017, July 13. Available at: <http://russian.cri.cn/3069/2017/07/13/1s609960.htm>. (In Russian)
19. Morin A. Is China's counterterrorism policy in Xinjiang working? *The Diplomat*, 2017, Feb. 23. Available at: <https://thediplomat.com/2017/02/is-chinas-counterterrorism-policy-in-xinjiang-working/>.
20. Zhao K. Comprehensive and consistent implementation of the CPC Central Committee strategy for managing Xinjiang and the steady promotion of social stability and a long-term order. *Renminwang*, 2018, June 16. Available at: <http://legal.people.com.cn/n1/2018/0616/c42510-30062811.html>. (In Chinese)

21. Clarke M. China's self-defeating counter-terrorism strategy in Xinjiang. *Asia Dialogue*, 2017. Feb. 16. Available at: <http://theasiadialogue.com/2017/02/16/chinas-self-defeating-counter-terrorism-strategy-in-xinjiang/>.
22. Bo Z. Xi Jinping's new strategy toward Xinjiang. *EAI Background Brief*, 2014, no. 897. Available at: <http://www.eai.nus.edu.sg/publications/files/BB897.pdf>.
23. Investment in Xinjiang up 19.6% in 2017. *China Daily*, 2018. Jan. 29. Available at: <http://usa.chinadaily.com.cn/a/201801/29/WS5a6ee631a3106e7dcc1376cc.html>.
24. Xinjiang to invest 70 billion USD in infrastructure in 2018. *Xinhua*, 2018, May 1. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/05/c_136874801.htm.
25. Industry plays big role in poverty alleviation in Xinjiang. *China Daily*, 2018, July 4. Available at: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201807/04/WS5b3c8f52a3103349141e0b2a.html>.
26. Lei Z. Xinjiang's GDP growth beats the national average. *China Daily*, 2017, Oct. 20. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/newsrepublic/2017-10/20/content_33509861.htm.
27. Watts J. Pay farmers to halt irrigation to ease water crisis, Chinese adviser urges. *The Guardian*, 2009, May 18. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2009/may/18/water-china-farmers>.

⟨ **Для цитирования:** Эпштейн В.А., Бочков Д.А. Политика КНР по интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района: 1949–2018 годы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 6. – С. 1442–1454. ⟩

⟨ **For citation:** Epstein V.A., Bochkov D.A. The policy of the People's Republic of China on integration of the Xinjiang Uygur Autonomous Region: 1949–2018. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 6, pp. 1442–1454. (In Russian) ⟩